

АРХЕОЛОГИЯ

Ю. В. Буйнов

Памятники бондарихинской культуры в Среднем Поочье

амые первые сведения о существовании в Среднем Поочье поселений с керамикой бондарихинского типа поступили в конце 50-х гг. прошлого века от А. Е. Алиховой после проведенного ею анализа собственных исследований 1938, 1950 и 1954 гг. на городищах городецкой культуры раннего железного века [1, с. 98–116]. Несколько позже факт наличия в этом регионе подобных поселений подтвердила В. А. Ильинская [2, с. 88], а затем и А. В. Циркин [3, с. 89–90]. Однако здесь подобные памятники иногда атрибутируются как поздняяковские и датируются концом II — началом I тыс. до н. э. [4, с. 96; 5, с. 68].

Все они раскапывались на высоком методическом уровне, имеют четкую стратиграфию и в некоторых случаях обеспечены хорошо датирующими артефактами. Отмеченное вызывает к ним исключительный интерес, т. к. позволяет уточнить ареал поселений бондарихинской культуры, выявить локальные особенности в керамическом комплексе, наметить хронологические рамки их существования и, самое главное, внести ясность в решение вопроса о генезисе памятников с керамикой малобудковско-бондарихинского типа.

Согласно одной из гипотез, именно в Среднем Поочье находится прародина носителей бондарихинской культуры, генетически связанных с племенами поздняяковской культуры и создателями «раннетекстильной» («сеточной», «ниточной», «рябчатой») керамики [6, с. 199; 7, с. 23–28; 8, с. 100–101; 9, с. 13–14]. Ее основателем принято считать Б. Н. Гракова, который упомянул, что в верхних слоях отдельных селищ поздняяковской культуры на Цне в пределах Тамбовской области появляются сосуды бондарихинских форм. При этом он сделал одну важную оговорку, что «родство бондарихинской и поздняяковской культур представляется очень возможным, но пока еще все-таки гипотетично» [6, с. 199; 10]. Автор данной статьи уже неоднократно приводил эту цитату Б. Н. Гракова [10, с. 8–9; 11, с. 150], и теперь у нас появилась возможность более аргументировано объяснить, в чем же состоит ошибка этого исследователя при решении вопроса о генезисе памятников типа Малые Будки — Бондариха. Ниже приведем описание всех известных нам бондарихинских памятников, расположенных в Среднем Поочье (рис. 1).

Каргашинское городище в Мордовии. Исследовано А. Е. Алиховой в 1938 г. [1, с. 106–116]. Находится в глубине оврагов, вдали от реки. Площадка городища

@ Ю. В. Буйнов, 2016

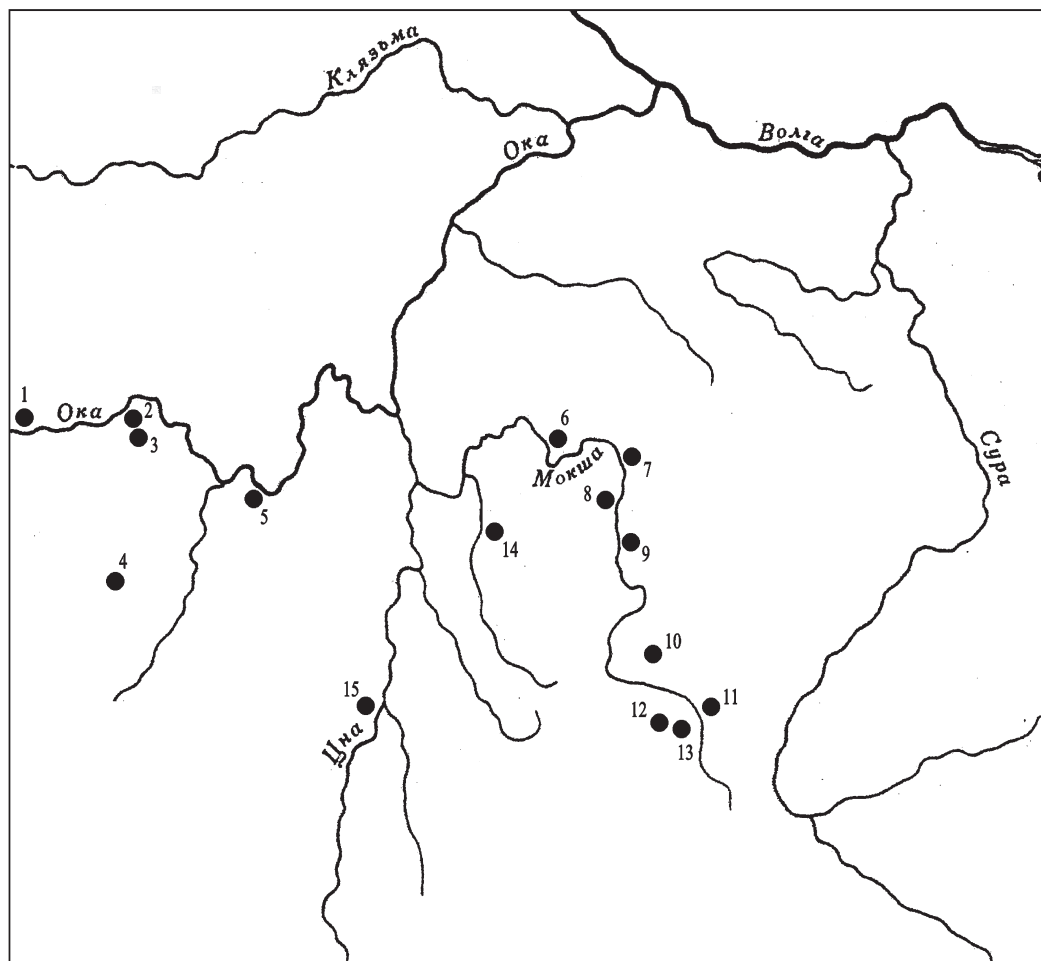

Рис. 1. Карта памятников бондарихинской культуры Среднего Пooчья:

поселения: 1 – Большой Лес II; 2 – Старая Рязань; 3 – Фeфeлов Бор II; 4 – Вукулов Бугор; 5 – Шатрищенское; 6 – Итяково; 7 – Пургасово; 8 – Новый Усад; 9 – Самозлейка; 10 – Новопшеневское; 11 – Казно Пандо; 12 – Старое Нагорное Алексово; 13 – Нагорное Алексово; 14 – Каргашино; 15 – Крюково-Кушново

Fig. 1. The monument's map of Bondarikhinska Culture of the Middle Pooche:

population: 1 – Big forest II; 2 – Staraya Razan; 3 – Phefelov Bor II; 4 – Vukulov Bugor; 5 – Shatrishenskoye; 6 – Ityakovo; 7 – Purgasovo; 8 – Novyi Usad; 9 – Samozleyka; 10 – Novopshenevskoye; 11 – Kazno Pando; 12 – Staroye Nagornoye Aleksovo; 13 – Nagornoye Aleksovo; 14 – Kargashino; 15 – Krukovo-Kushnovo

подтреугольной формы длиной 130 м, максимальной шириной 75 м. Окружена тремя валами и двумя рвами. Высота валов от 1 до 1,35 м при ширине основания около 9 м. На городище была заложена траншея шириной в 1,5 м и длиной в 61 м, перерезавшая валы, семь шурфов и два раскопа.

Интересна стратиграфия валов. Первый и второй (внутренние) валы насыпаны из культурного слоя, взятого, судя по материалу, здесь же, на месте. В насыпи первого вала были найдены керамика бондарихинского типа и два наконечника стрел: один кремневый с черешком и треугольной головкой (рис. 2: 17), второй — железный, городецкого времени. В засыпке рва найдены обломки сосуда с широким горлом, высоко расположенными плечиками и орнаментом из тычковых вдавлений, покрывающих всю его внешнюю поверхность (рис. 2: 11).

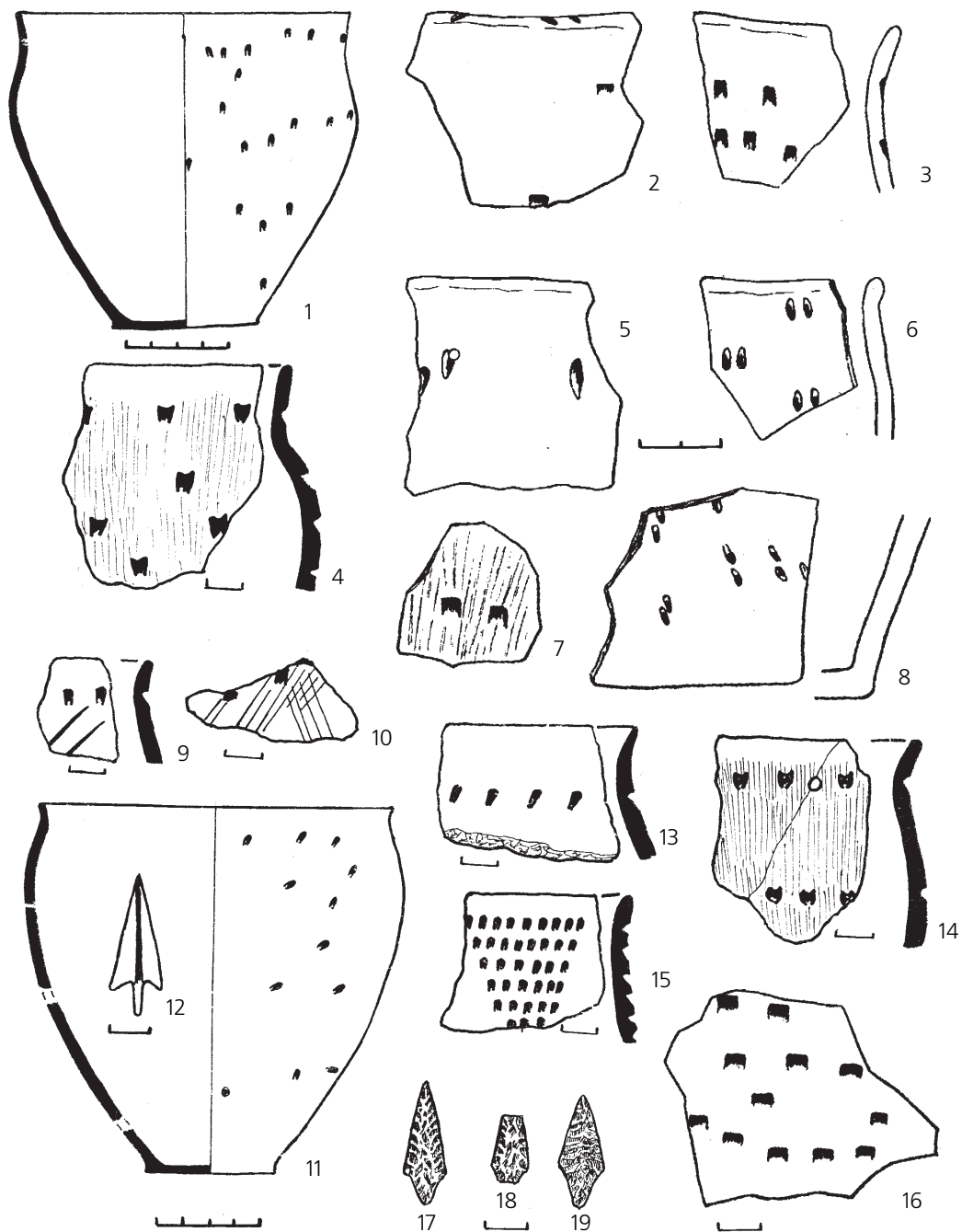

Рис. 2. Материалы Каргашинского городища:

1-11, 13-16 – керамика; 12 – бронзовый наконечник стрелы; 17-19 – кремневые наконечники стрел (по: [1, табл. 43, 48-49; 2, с. 89, рис. 16])

Fig. 2. The materials of Kargashinskiy settlement:

1-11, 13-16 – ceramics; 12 – bronze tip of arrow; 17-19 – flinty arrow's tips (by: [1, table. 43, 48-49; 2, p. 89, fig. 16])

В напластованиях второго вала прослеживается некоторое сходство со встреченными находками в первом вале. Это были фрагменты бондарихинской посуды, два кремневых черешковых наконечника стрел (рис. 2: 18–19), один бронзовый черешковый наконечник (рис. 2: 12) и два наконечника скифского типа VII—V вв. до н. э.

В отличие от первого и второго валов внешний вал не содержал находок. А. Е. Алихова по этому поводу высказала два предположения — либо для его сооружения брали землю с напольной стороны и только в городецкое время он был насыпан, либо этот вал был более древним, сооруженным до заселения площадки городища в раннем железном веке [1, с. 107]. В его основании имеются две столбовые ямки, а ближе к краю, с внутренней стороны, сохранились остатки обугленного бревна, лежавшего вдоль вала, и у самого края этого слоя остатки обугленной конструкции, состоявшей из продольных и поперечных разных величин бревен. С напольной стороны прослежены остатки рва шириной 3 м, углублявшегося в материк на 0,75 м.

Для определения времени сооружения этого внешнего вала и рва очень важен тот факт, что в нижнем горизонте рва были найдены во фрагментированном состоянии почти целый горшок бондарихинского типа (рис. 2: 1) и несколько фрагментов других аналогичных сосудов. Это единственное место, где были находки во внешнем валу и на прилегающих со стороны поля участках. Отмеченное позволяет нам с большой степенью вероятности видеть в этом памятнике городище бондарихинской культуры. И это не единственный случай существования у бондарихинцев укрепленных поселений. На основной территории их проживания в Днепро-Донецкой лесостепи они известны у с. Веселое на р. Великий Бурлук [12, с. 246–255], в уроч. Перегон на Северском Донце и у с. Пролетарское на р. Ольшанка (пр. прит. р. Мжа) [13, с. 9].

Столь ранними являются Моисеевское городище на берегу Лебединского озера в Мещерском крае [14, с. 37] и позднесрубные укрепленные валом и рвом поселения в Поволжье [6, с. 113]. Обратим также внимание на некоторое сходство устройства оборонительных сооружений, зафиксированных на Каргашинском городище финала бронзового века и городищах чернолесской культуры тясминской группы. В обоих случаях вал служил лишь подножием деревянной стены из четырехугольных клеток [10, с. 164].

Керамика бондарихинской культуры в большом количестве обнаружена не только в валах, но и во всех шурфах и раскопах, заложенных во внутренней площадке городища. При ее описании А. Е. Алихова отмечала наличие в ее глиняном тесте примеси мелкого песка и изредка небольшого количества шамота. Часто встречаются сосуды, сделанные без каких-либо примесей. Как правило, они более тонкостенные и часто хуже обожженные. Для всех сосудов характерна обработка внутренней поверхности мягким предметом. Часто им же сглажена и наружная поверхность. Но на некоторых сосудах снаружи сохраняются следы сглаживания травой, зубчатым штампом и щепкой, идущие преимущественно в вертикальном направлении.

Обычная форма сосудов — широкогорлые горшки с короткой, слегка отогнутой, реже высокой прямой шейкой, постепенно переходящей в слабо выраженные высоко расположенные плечи. Многие сосуды орнаментированы от шейки до дна редко разбросанными ямками-тычками, реже круглыми ямками с плоским дном, кольцевым штампом и нарезками. В других случаях орнамент расположен в линию по границе шейки и стенки и крайне редко в виде «грозди винограда» (рис. 2: 15).

Некоторые признаки описанной керамики дали основание С. И. Воловику отнести ее к малобудковскому типу [7, с. 10–11]. Однако гребенчатые расчески на ней встречаются крайне редко. Совершенно отсутствует «жемчужный» орнамент. В данном случае абсолютно права А. В. Корохина, выделившая особую ступень в эволюции бондарихинского керамического комплекса, которая представляет этап перехода от малобудковских традиций к бондарихинским развитого типа [9, с. 12].

Абсолютную дату существования данного бондарихинского городища можно определить по находке упомянутого бронзового двухлопастного черешкового наколечника стрелы с отогнутыми вниз концами пера подтреугольной формы. Посредине его пера имеется небольшая нервюра. Значительная коллекция таких стрел известна в кобанской культуре, Закавказье, Талыше, Сирии, Анатолии, где они встречаются начиная с 1200 г. до н. э. [15, с. 50]. На Кавказе эти типы стрел относятся к XII—X вв. до н. э. [16, с. 43].

Новошневское городище. Исследовалось А. Е. Алиховой в 1950 гг. [1, с. 98] и В. И. Вихляевым в 1981 г. [17, с. 198–207]. Расположено на правом высоком берегу р. Исса. В раскопе и шурфах обнаружено два культурных слоя. Верхний слой в виде черной оrehоватой глины содержал большое количество городецкой сетчатой и гладкой, орнаментированной ямками керамики бондарихинского типа. В нижнем слое, состоящем из плотной темно-серой глины, была лишь бондарихинская керамика. В основном она толстостенная (6–8 мм), вылеплена из глины с незначительной примесью мелкого песка. Ее орнамент состоит из различного рода ямок: округлых, овальных, подпрямоугольных (тычковых), нанесенных концом щепки, палочки или тонкой косточки, поставленной под углом к поверхности сосуда (рис. 3: 1–6; 4: 1–3).

Край венчика некоторых сосудов орнаментирован насечками, изредка ямками и гребенчатым штампом. Встречены также нарезной, кольцевой и «жемчужный» орнаменты. В целом эта керамика аналогична каргашинской. В. И. Вихляев обратил внимание, что такая же «тычковая» керамика обнаружена им на селище у с. Новый Усад на берегу р. Мокши [17, с. 207].

Городище «Казно-Панда». Раскопки проводила А. Е. Алихова в первой половине 1950 гг. [1, с. 98–106]. Памятник занимает верхнюю надпойменную террасу на высоте 40 м от уровня нижней террасы р. Исса.

Всего на городище было заложено два раскопа, а также несколько шурфов, в которых зафиксирована схожая стратиграфия, указывающая на залегание керамики бондарихинского типа ниже сетчатой [1, с. 102]. Основную ее массу составляет гладкая, довольно толстостенная (6–8 мм) посуда с примесью песка в глине. Орнамент встречается очень редко. Он обычно состоит из ямок различной формы и тычков (рис. 3: 7–12). Отмечен факт нанесения разбросанных тычков по всему тулову [1, с. 102]. По орнаменту и составу глиняного теста описанный тип керамики довольно близок гладкой керамике из двух предыдущих городищ.

А. Е. Алихова сообщала, что бондарихинская керамика была встречена в одном из шурфов (№ 5) на старом мордовском селище (XVII—XVIII вв.), расположенном на верхней надпойменной террасе у с. Нагорное Алексово. Судя по остальным шурфам, сплошного культурного слоя здесь не было [1, с. 106].

Т. Б. Попова в своей статье «Эпоха бронзы на Тамбовщине» также упомянула о следах бондарихинской культуры в Цнинском бассейне. В частности, она писала, что «при раскопках в 1956 г. Крюковско-Кушновского могильника под Моршанском в засыпке могил древней мордвы были найдены фрагменты этого типа керамики» [18, с. 151]. В. А. Ильинская опубликовала эти находки [2, рис. 16: 1–5], что подтверждает их бондарихинскую принадлежность (рис. 4: 4–8).

Завершая обзор памятников Цнинско-Мокшанского бассейна с керамикой бондарихинского типа, необходимо обратить внимание на данные А. В. Циркина о существовании в этом районе еще трех подобных селищ, перестроенных в городецкое время в хорошо защищенные городища-Пургасовское, Итяково и Самозлейка (рис. 5). Для нас важно то, что, по стратиграфическим наблюдениям, «всюду эта, во многом не местная, посуда залегала глубже слоя с сетчатой керамикой» [9, с. 89–90].

Таким образом, возвращаясь к гипотезе Б. Н. Гракова о генезисе бондарихинской культуры, отметим, что в обследованном регионе не зафиксировано ни одного стратиграфического случая последовательности залегания поздняяковской и бондарихинской

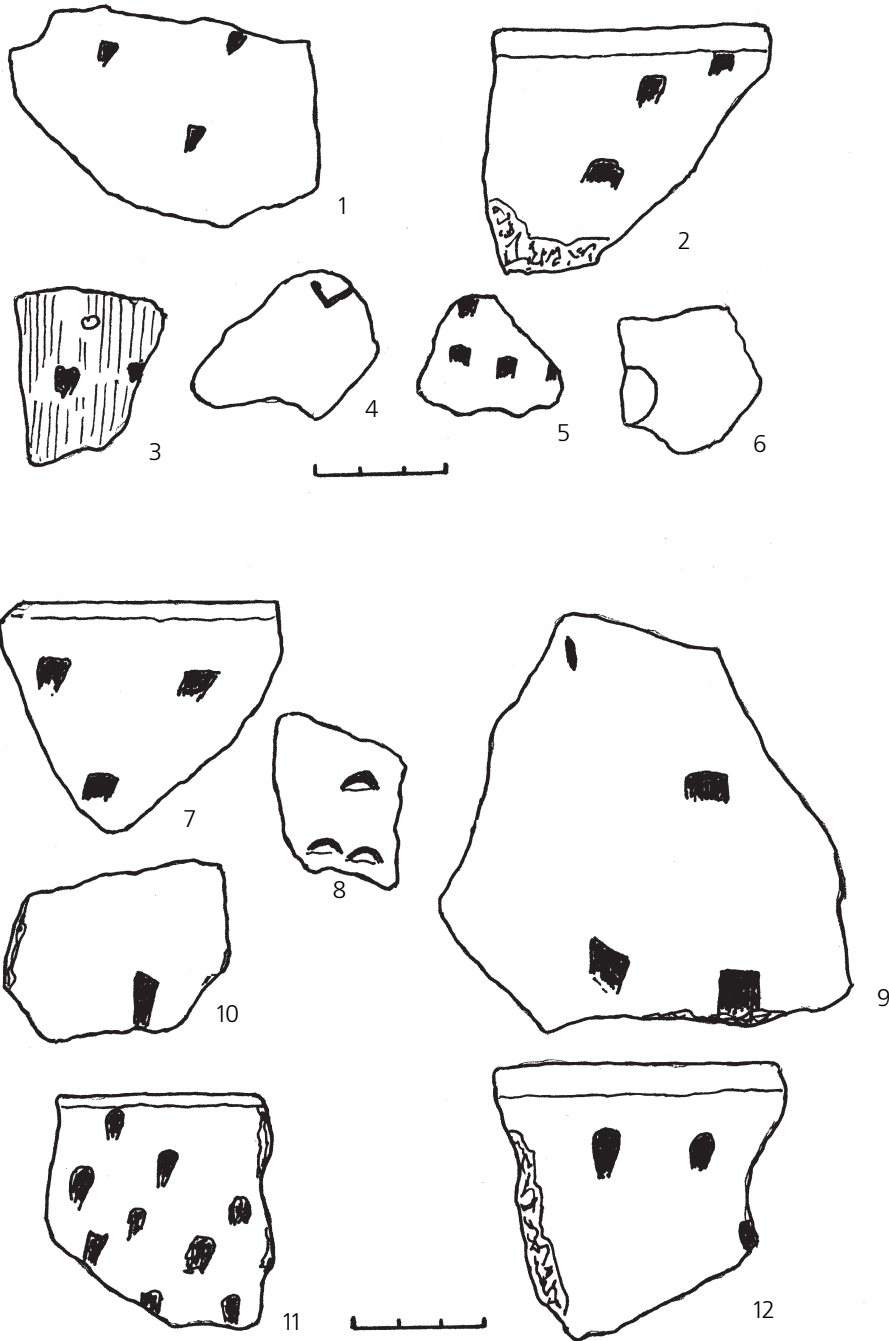

Рис. 3. Керамика из поселений бассейна Мокши:
 1-6 – Новопшенинское; 7-12 – Казно Пандо (по: [1, табл. 37, 40])

Fig. 3. The ceramics from the settlements of Moksha's pool:
 1-6 – Novopshenevskoye; 7-12 – Kazno-Pando (by: [1, table. 37, 40])

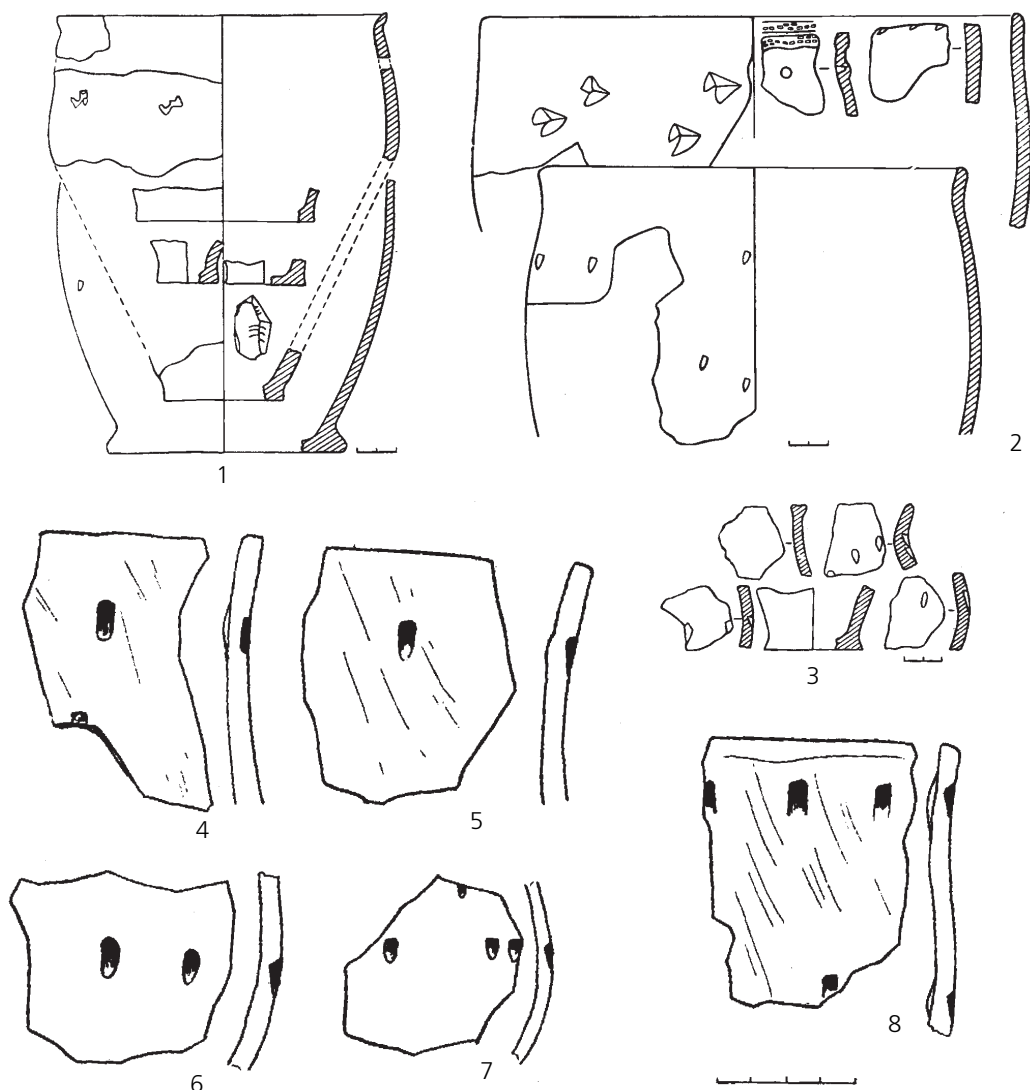

Рис. 4. Керамика с поселений на реках Исса и Цна:
1–3 – Новопшеневское (по: [17, с. 204]; 4–8 – Крюково-Кушново (по: [2, с. 89, рис. 16])

Fig. 4. The ceramics from the settlements on the Issa and Can rivers:
1–3 – Novopshenevskoye (by: [17, с. 204]; 4–8 – Krukovo-Kushnovo (by: [2, p. 89, fig. 16])

керамики. Уверенно можно сказать, что этого вообще не могло быть по трем причинам. Во-первых, Цнинско-Мокшанский бассейн находится вне ареала поздняяковской культуры. Во-вторых, в Среднем Поочье совершенно отсутствуют самые ранние бондарихинские памятники с керамикой малобудковского типа. В-третьих, по данным радиоуглеродного анализа, поздняяковские памятники на Средней Оке позже XIII в. до н. э. не выявлены [19, с. 45]. Попытка некоторых исследователей датировать самые поздние из них концом II — началом I тыс. до н. э. на основании находок кельтов из Младшего Волосовского могильника вообще несостоятельны [20, с. 134]. Дело в том, что этот памятник относится не к поздняяковской, а к раннеананьинской культуре,

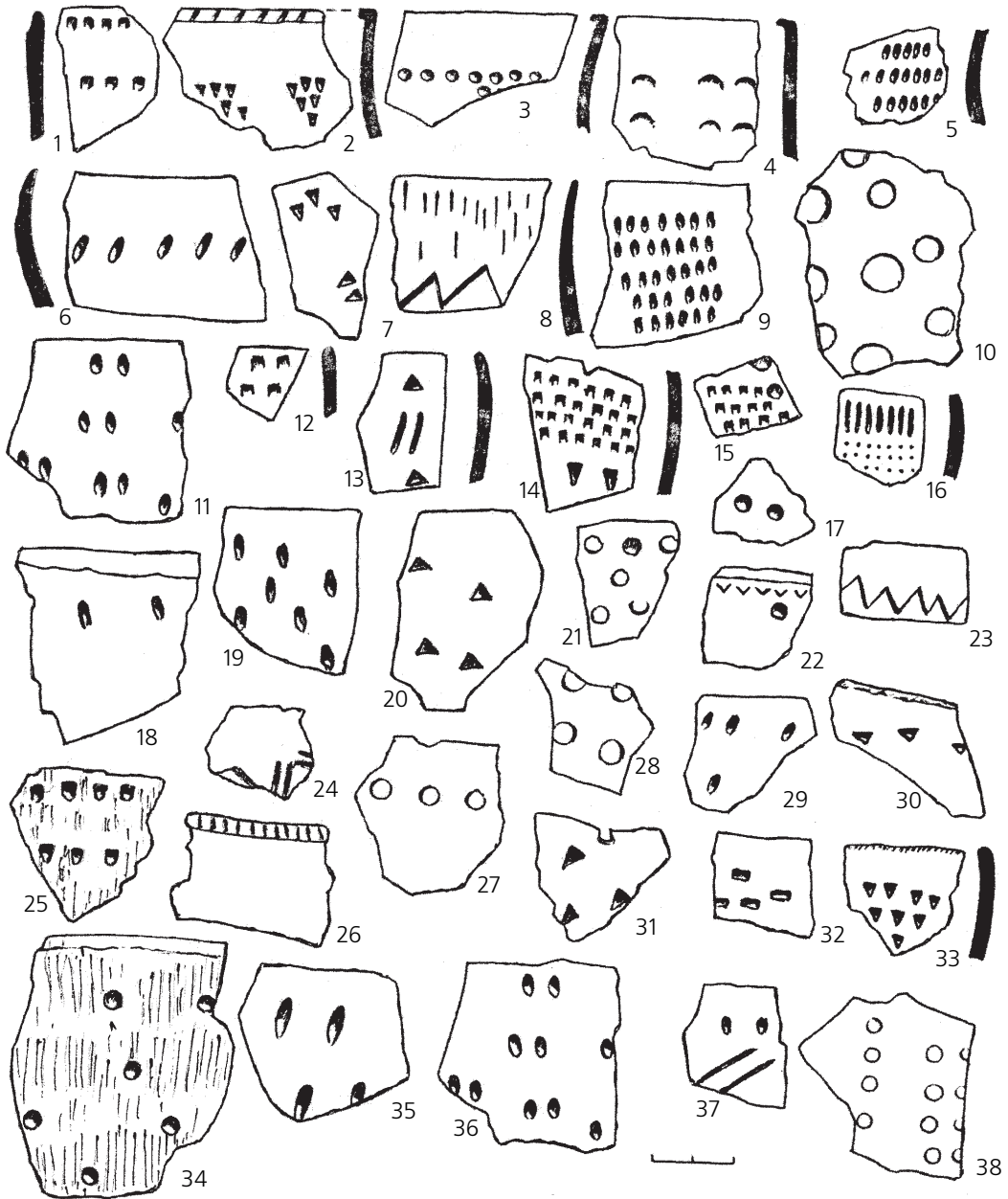

Рис. 5. Образцы керамики из поселений Цнинско-Мокшанского бассейна:

1-5, 22 – Казно Пандо; 6-11, 34-38 – Каргашино; 12-16 – Пургасово; 17, 20-21 – Новое Пшнево; 22-26 – Итяково; 27-30 – Самозлейка (по: [3, с. 89, рис. 4])

Fig. 5. The patterns of the ceramics from the settlement of Tshinsko-Mokshanskiy pool:

1-5, 22 – Kazno-Pando; 6-11, 34-38 – Kargashino; 12-16 – Purgasovo; 17, 20-21 – Novoe Pshenevo; 22-26 – Ityakovo; 27-30 – Samozleyka (by: [3, p. 89, fig. 4])

а кельты из него (типы КАН-22, 24 по С. В. Кузьминых) датируются VIII—VII вв. до н. э. [21, с. 61–62].

Некоторые исследователи связывают исчезновение поздняяковской культуры с приходом на Среднюю Оку племен культуры с ранней «текстильной» керамикой, которые уже в XII в. до н. э. полностью занимают территорию расселения своих предшественников [22, с. 23; 23, с. 101].

Все вышеизложенное, с учетом ранее высказанных нами возражений в адрес данной гипотезы, дает основание полностью исключить поздняяковские памятники из числа возможных компонентов, принявших участие в генезисе бондарихинской культуры. На основании анализа памятников, расположенных на берегах Средней Оки, попытаемся доказать несостоятельность и гипотезы о родстве бондарихинской культуры с культурой ранней сеточной («текстильной») керамики.

Поселение Большой Лес II. Занимает восточный отрог песчаного останца в пойме Оки на границе Московской и Рязанской областей вблизи пос. Белоомут. Раскапывалось Б. А. Фоломеевым [5, с. 64–69].

Основной культурный слой, представленный темно-серым песком мощностью до 40 см, содержит разновременные находки — от неолита до раннего железного века. Всего зафиксировано шесть культурных слоев в виде углистых и гумусированных прослоек, соответствующих отдельному этапу заселения памятника. Первый слой датируется XVIII в. Второй и третий слои залегают в нижней части серо-коричневых суглинков. Второй из них содержит раннегородецкую керамику с сетчатыми отпечатками [5, с. 67, рис. 2, 1–5]. Третий культурный слой почти сливается с предыдущим. Он обильно насыщен керамикой, кремнем и костными остатками. По заключению автора раскопок сосуды из него реконструируются как баночные (скорее всего слабопрофилированные — Ю. Б.). В керамическом тесте встречается примесь песка, реже дресвы и шамота. Орнаментированы они преимущественно разреженными рядами круглых ямок, иногда сочетающимися с тычками прямоугольной формы или рядами коротких диагональных отпечатков мелкозубчатого штампа. Реже встречаются «каплевидные» ямки, иногда образующие геометрические узоры [5, рис. 2, 6–10]. По мнению Б. А. Фоломеева, материалы из третьего культурного слоя могут быть отнесены к позднему этапу поздняяковской культуры и датированы концом II — началом I тыс. до н. э. [5, с. 68]. С такой атрибуцией нельзя согласиться, т. к. в это время поздняяковской культуры уже не существовало, о чем речь шла выше. К тому же на этой керамике нет орнамента в виде «жемчужин», столь характерного для поздняяковской посуды. Как нам представляется, ее можно отнести к бондарихинской культуре и синхронизировать с керамикой из вышеописанных поселений Цнинско-Мокшанского бассейна. Никаких признаков влияния со стороны культуры с раннесеточной керамикой не замечено.

Четвертый и пятый слои датируются временем около середины II тыс. до н. э. и содержат отложения волосовской, рязанской культур и «дубровичского» типа конца III — середины II тыс. до н. э. [5, с. 69].

Северный мыс городища Старая Рязань. Исследования И. Г. Розенфельдт [4, с. 96–97].

Проведенные раскопки и обследование обнажений показали стратиграфию культурного слоя и дали материалы, уточняющие время основания этого памятника и последующих этапов жизни. Представляется, что поселение на северном мысе было основано в эпоху позднего неолита. Позже это место заняли представители балановской культуры. Выше, в сохранившемся участке непо потревоженного культурного слоя содержалась основная масса керамики, оставленная, по мнению И. Г. Розенфельдт, местными племенами эпохи бронзы с керамикой, близкой к поздняяковской культуре [4, с. 96]. В раннем железном веке на этом месте возникло городецкое городище.

Приведенная исследовательницей фотография этого керамического комплекса [4, рис. 3] указывает на его бесспорную принадлежность к бондарихинской культуре.

Об этом свидетельствует находка целого сосуда со слегка отогнутым венчиком, сильно раздутым в верхней трети туловом, с округлыми плечиками и узким с небольшой закраиной дном. Поверхность этого горшка покрыта тонкой штриховкой, поверх которой нанесен орнамент из мелких вдавлений неправильной формы, разбросанных по всему тулову (рис. 6: 17). Все остальные фрагменты также были орнаментированы на бондарихинский манер (рис. 6: 1–14).

Датировку этого слоя удастся установить по находке бронзового височного кольца с заходящими друг за друга концами, изготовленного из проволоки круглого сечения (рис. 6: 20). Аналогичные украшения часто встречаются на памятниках белозерской культуры Северного Причерноморья [24, с. 82, рис. 35; 25, табл. ХLI], маклашеевской культуры Волго-Камья [26, табл. 13, 15, 19] и бондарихинской культуры на Северском Донце [27, с. 76, рис. 5, 2], которые датируются XII—X вв. до н. э. Не исключено, что с бондарихинским слоем связана маленькая стеклянная бусина дисковидной формы (рис. 6, 19). Идентичные ей образцы встречаются в погребениях белозерской культуры [24, рис. 35: 19–22; 28, рис. 38: 6].

А. Л. Монгайт упоминает присутствие нескольких образцов керамики бондарихинского или юхновского типов в слоях таких городецких городищ, как Вукулов Бугор и Шатрищенское [29, с. 156, рис. 4; с. 162, рис. 10]. Имеется сообщение Б. А. Фоломеева, что при раскопках селища Фефелов Бор II зафиксировано залегание керамики позднего периода поздняяковской культуры над раннесеточной [30, с. 86, 87]. Думается, что и в этом случае он путает поздняяковскую посуду с бондарихинской.

Таким образом, мы видим, что вся обнаруженная керамика на бондарихинских памятниках Среднего Поочья гомогенна без каких-либо проявлений аккультурации. В ней абсолютно отсутствуют следы влияния, идущие от племен поздняяковской культуры и обладателей раннетекстильной керамики. Скорее всего в данной случае мы имеем дело с миграционным процессом, произошедшем единовременно, в узких хронологических рамках, где-то около середины XI в. до н. э.¹

Картографирование памятников бондарихинской культуры указывает на возможный путь движения переселенцев от Северского Донца по Осколу, верховьям Дона, его притокам Воронежу, Битюгу, Воронцу и Хопру, которые близко подходят к Цнинско-Мокшанскому бассейну, а по ним и на Среднюю Оку (рис. 8).

Естественный интерес вызывает вопрос о причинах, вызвавших данную миграцию целого племени или его какой-то части. Размышляя над его решением, мы остановились на экологическом факторе. Как известно, подавляющее большинство поселений финала бронзового века в Днепро-Донской лесостепи расположено в пойменных ландшафтах и в близких к ним боровых ландшафтах. Именно они были экологическими нишами для местных жителей и по своим природным особенностям сильно отличаются от иных видов ландшафтов. Пойменные ландшафты характеризуются периодическим затоплением и гидроморфными свойствами грунтов и растительности.

По данным И. В. Иванова [31, с. 30–31], в финальнобронзовый период на территории северостепной Украины наступает эпоха пониженной увлажненности. В конце суббореального периода продуктивность пастбищ уменьшилась по сравнению с атлантическим на 50–60 %. Уменьшились обводненность речных пойм, дебиты воды в колодцах и снизилось ее качество, что вело к некоторому ухудшению условий для скотоводства и земледелия. Особая засушливость климата приходится на рубеж XI—X вв. до н. э., когда в четыре раза произошло сокращение уровня стока Днепра [33, с. 24–29]. Н. П. Герасименко совместно с археологами провела на памятниках поздней бронзы бассейна Северского Донца специальные палеографические исследования и пришла к выводу, что на отрезке времени 3000–2900 л. н. уровень увлажненности,

¹ Для сравнения керамики бондарихинской культуры из Поочья и бассейна Северского Донца смотри рис. 7.

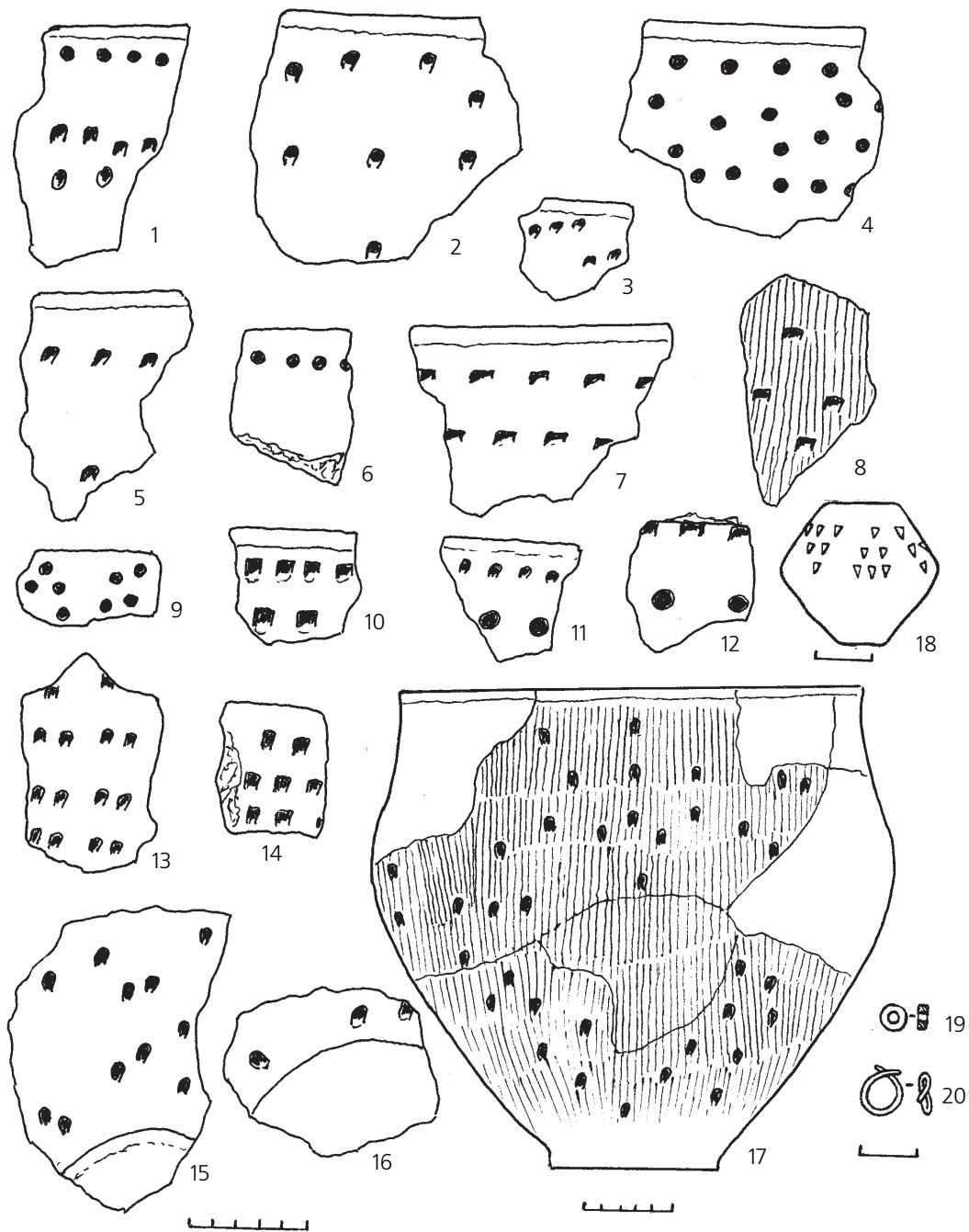

Рис. 6. Материалы с поселения у Старой Рязани:

1–17 – керамика; 18 – пряслица; 19 – стеклянная бусина; 20 – бронзовое височное кольцо (по: [4, рис. 2, 5–6, 8])

Fig. 6. The materials from Staraya Ryazan settlement:

1–17 – ceramics; 18 – whorls; 19 – glass bead; 20 – bronze temporal ring (by: [4, fig. 2, 5–6, 8])

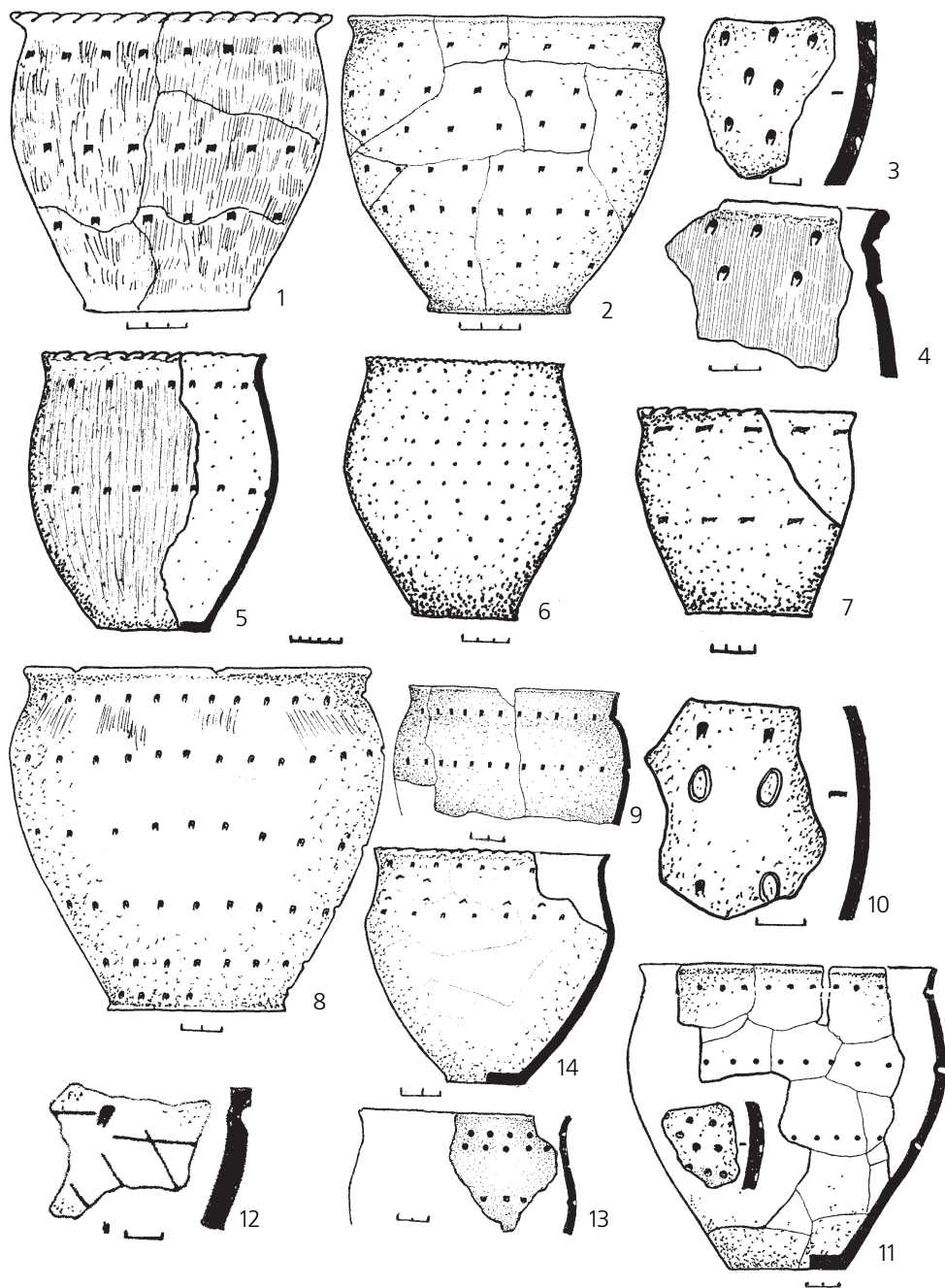

Рис. 7. Образцы керамики бондарихинской культуры из поселений бассейна Северского Донца:
 1, 2, 5–7, 10 – Тимченки; 3–4 – Кравцовка; 8–9 – Циркуны; 11 – Червонный Шлях; 12–14 – Родной Край I (рисунки автора)
 Fig. 7. The patterns of ceramics of Bondarikhinskaya culture from the settlement of Severskiy Donet's:
 1, 2, 5–7, 10 – Timchenkiy; 3–4 – Kravtsovka; 8–9 – Tsirkuny; 11 – Chervoniy Shlyakh; 12–14 – Rodnoy Kray I (author's paintings)

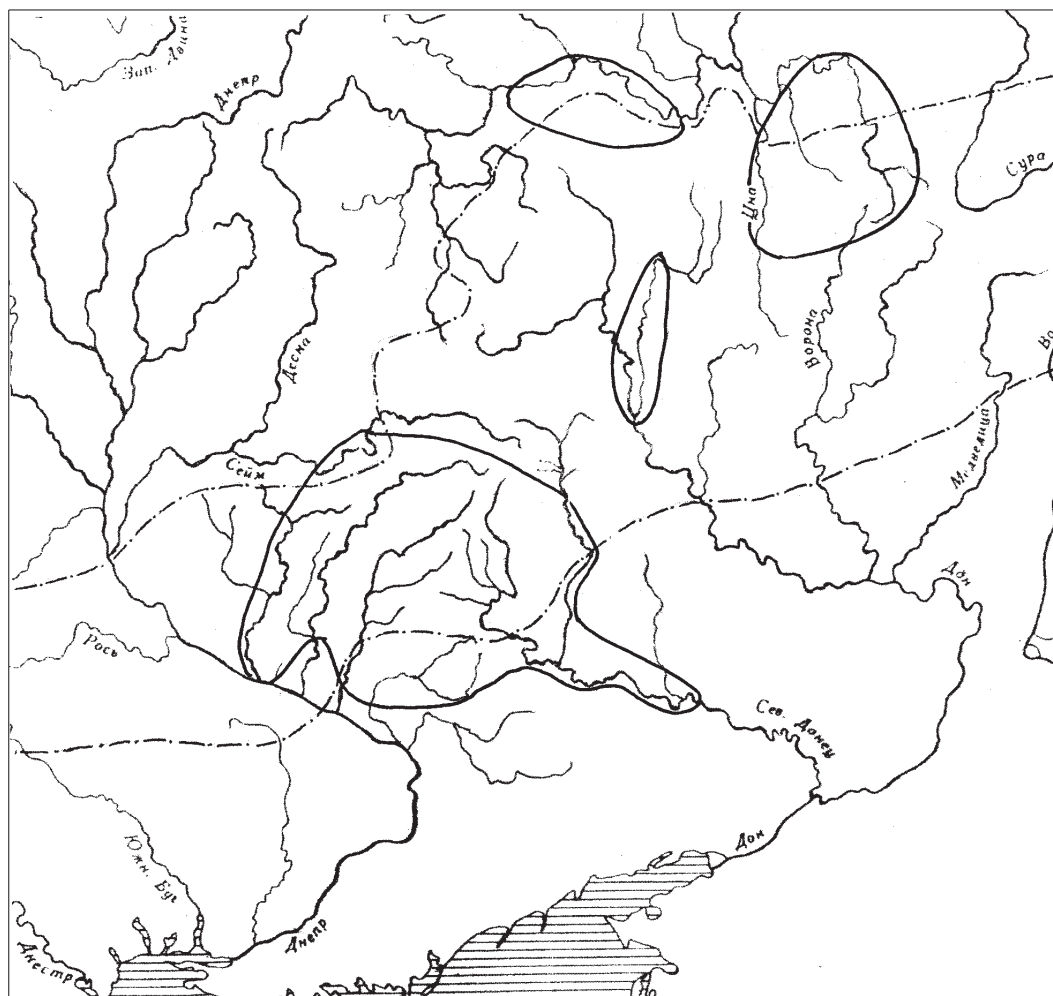

Рис. 8. Ареал памятников бондарихинской культуры (карта составлена автором)

Fig. 8. The range of monuments of Bondarikhinskaya culture (the map is made by author)

по сравнению с предыдущим периодом, значительно снижается. Признаки иссушения (ксеротермическая депрессия) совпадают со второй половиной XI—X вв. до н. э. [33, с. 3–64].

Как правило, подобное ухудшение природно-климатических условий крайне негативно сказывалось на жизни древних общин. Параллельно с максимальным использованием местных ландшафтных ресурсов происходит еще большее истощение их продуктивности. В итоге хозяйственная и культурная трансформация приводит к угнетению популяций. По данным этнографии, этот процесс проявляется, в первую очередь, в уменьшении численности населения и смене его хозяйственных и этнокультурных связей. Наконец, фиксируются случаи локальных передвижений и даже массовых миграций.

Напротив, результаты палеографических исследований свидетельствуют, что с начала поздне-суббореальной фазы (около 3300 л. н.) во многих районах центра Русской равнины и в ее южной части лесной зоны происходит увеличение влажности климата,

что привело к улучшению условий для развития широколиственных лесов [5, с. 73]. По данным спорово-пыльцевого анализа, во второй половине II — первой половине I тыс. до н. э. на среднеокских водоразделах произрастали широколиственные леса сложной многоярусной структуры из дуба, вяза, при доминирующей роли липы, с незначительной примесью ели, с березой и орешником в подлеске и травостоем из папоротников. Хорошо развитый травостой существовал местами на полянах и опушках леса [35, с. 185]. Другими словами, в Среднем Поочье к концу II тыс. до н. э. сложились более благоприятные условия для жизнедеятельности древних сообществ, чем те, которые зафиксированы исследователями на территории современной Украины в указанное время.

Не менее актуальным является вопрос об исторических судьбах этих бондарихинцев-мигрантов. Специально эта тема никем не рассматривалась, но во всех имеющихся публикациях высказано предположение об их ассимиляции финно-угорским населением в процессе сложения городецкой культуры [3, с. 90; 4, с. 96; 17, с. 207; 35, с. 47–48; 36, с. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А. Е. Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. — Саранск, 1959.
2. Іллінська В. А. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури посульсько-донецького лісостепу // Археологія. — 1966. — Т. 20.
3. Циркин А. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии // СА. — 1979. — № 3.
4. Розенфельдт И. Г. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. — М., 1974.
5. Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке // СА. — 1979. — № 3.
6. Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). — М., 1977.
7. Воловик С. И. Бондарихинская культура (проблема происхождения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1996.
8. Кузьминых С. В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). — Донецк, 1996. — Ч. 2.
9. Корохіна А. В. Кераміка бондарихинської культури: автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2011.
10. Буйнов Ю. В. О роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века // ВХУ ім. В. Н. Каразіна. — Х., 2011. — № 965: Сер.: Історія. — Вип. 43.
11. Буйнов Ю. В. Восточнополюсский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века // Древности, 2014–2015: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2015. — Вып. 13.
12. Буйнов Ю. В. Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимосвязей // Древности, 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
13. Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1981.
14. Бадер О. Н. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. — 1966. — № 3.
15. Черняков И. Т., Ванчугов В. П., Кушнир В. Г. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья // СА. — 1986. — № 2.
16. Котович В. Г., Давыдов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. — 1980. — № 4.
17. Вихляев В. И. Керамика Новошпешневского городища в Мордовии // СА. — 1986. — № 1.

18. Попова Т. Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // СА. — 1961. — № 3.
19. Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. — Рязань, 1993.
20. Бадер О. Н., Попова Т. Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
21. Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). — М., 1983.
22. Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. — Йошкар-Ола, 1993. — Вып. 1.
23. Ставицкий В. В., Челяпов В. П. Керамика с ямочно-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. — Рязань, 1997. — Вып. 6.
24. Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования Белозерской культуры. — К., 1990.
25. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976.
26. Халиков А. Х. Приказанская культура // САИ. — 1980. — Вып. В1–24.
27. Супрун А. В. Новые памятники бондарихинской культуры в среднем течении Северского Донца // Древности Северского Донца. — Луганск, 1999.
28. Отрощенко В. В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
29. Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тыс. н. э. // СА. — 1953. — Т. 18.
30. Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А. Исследование в бассейне Средней Оки // АО. — 1974. — М., 1975.
31. Иванов И. В. Изменение климата южной Украины в голоцене // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1985.
32. Швец Г. И. Многовековая изменчивость стока Днепра. — Л., 1978.
33. Герасименко Н. П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) // АА. — Донецк, 1997. — № 6.
34. Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман М. А. Климентовская стоянка // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. — М., 1988.
35. Буйнов Ю. В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. — 2006. — № 2.
36. Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // САИ. — 1965. — Вып. Д1–14.

Резюме

Буйнов Ю. В. Пам'ятки бондарихинської культури у Середньому Пооччі

Про існування пам'яток бондарихинської культури на берегах середньої течії Оки, річок Мокша та Цна стало відомо наприкінці 50-х рр. ХХ ст. На сьогодні є дані про одне городище (Каргашинське) та 14 відкритих селищ. Переважна більшість з них знаходиться на високих мисах та плато корінних берегів. Стратиграфічні спостереження, особливості керамічного комплексу та деякі речі дають змогу датувати ці пам'ятки XII—X ст. до н. е., а точніше часом перетворення малобудківського типу в класичну бондарихинську культуру. З'явилися вони у Пооччі у наслідок міграції з басейну Сіверського Дінця та Дону частини бондарихинського населення під впливом погіршення в цьому регіоні екологічної ситуації. Аналіз доступних матеріалів вказує на повну відсутність їх генетичного зв'язку з поздняківським населенням та носіями культури «текстильної» кераміки.

Ключові слова: Середнє Пооччя, фінал доби бронзи, бондарихинська культура, поздняківська культура, культура «текстильної» кераміки.

Резюме

Буйнов Ю. В. Памятники бондарихинской культуры в Среднем Поочье

О существовании памятников бондарихинской культуры на берегах среднего течения Оки, речек Мокша и Цна стало известно в конце 50-х гг. XX в. В настоящее время имеются данные об одном городище (Жаргашинское) и 14 открытых селищах. Большинство из них расположено на высоких мысах и плато коренных берегов. Стратиграфические наблюдения, особенности керамического комплекса и некоторые вещи позволяют датировать эти памятники XII—X вв. до н. э., а точнее временем перехода от малобудковского типа в классическую бондарихинскую культуру. Появились они в Поочье вследствие миграции из бассейна Северского Донца и Дона части бондарихинского населения в связи с ухудшением в этом регионе экологической ситуации. Анализ имеющихся материалов свидетельствует о полном отсутствии у них генетической связи с поздняковским населением и носителями культуры «текстильной» керамики.

Ключевые слова: Среднее Поочье, финал бронзового века, бондарихинская культура, поздняковская культура, культура «текстильной» керамики.

Summary

Y. Buiunov. The Monuments of Bondarikhinska Culture in the Middle Pooche

The existence of the monuments of Bondarikhinska Culture on Oka, Moksha and Can river banks of medium current was known about at the end of 1950-th.

At the present time there are data of one settlement (Kargashinskoe) and 14 open villages. The majority of them are situated headlands and plateau native shores. The stratigraphic observation, the features of the ceramic complex and some other things allow to date these monuments by being from XII-th to X-th centuries BC, namely by the time of the Malobudkovsky type into Classical Bondarikhinska one. They turned up in Pooche in a consequence of migration of the part of Bondarikhinska population from Severskiy Donets and Don's pools due to degradation of ecological situation in that region. The analysis of the materials had points about full absence of genetic links with Pozdnyakovskiy population and "textile" ceramics culture media of them.

Key words: The Middle Pooche; Bronze Age finals; Bondarikhinska Culture; Pozdnyakovskaya Culture; "textile" ceramics culture.

